

БОРЬБА АРМЯНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СВЯЗИ С СОСТАВЛЕНИЕМ УСТАВНЫХ ГРАМОТ (1870-е годы)

Р. А. МЕЛИК-САРКИСЯН

Классовая борьба армянского крестьянства в пореформенный период связана с вопросами составления, утверждения и введения в действие уставных грамот. Наиболее остро и выпукло эта борьба проявилась при подписании грамот и актов.

Нижеприведенная таблица, составленная на основании уставных грамот, показывает количество крестьян, подписавших грамоты по Эриванской губернии (Эриванский и Эчмиадзинский уезды)¹.

Такое положение в этих уездах, особенно в Эчмиадзинском, объяснялось малоземелием и безземелием трудящихся. Так, на душу мужского пола деревни Кархун Эчмиадзинского уезда приходилось 1,8 десятины земли, Туркманлу—0,7 дес., Арамлу—1,4 дес.². Следовательно, в этих уездах был законодательно закреплён процесс малоземелия и безземелия крестьян, начавший интенсивно протекать ещё в 40-ых годах XIX века и принявший огромные размеры в период подготовки реформы. Естественное, что такое положение вещей должно было вызвать борьбу крестьянства.

Таблица 1

Наименование уездов	Число подписанных грамот	Число не подписанных грамот	Число душ	% неподписанных грамот
Ереванский	35	7362	4521	38,0
Эчмиадзинский	4	405	1259	75,6
Итого	39	7767	5780	42,6

В 13 грамотах из 21 указаны причины отказа от подписания уставных грамот. В числе отказавшихся были и помещики, которые в период реализации реформы стремились произвести новый захват крестьянских наделов, что ещё более обостряло классовую борьбу и накаляло обстановку.

Причины отказа поселян подписывать грамоты в основном две: земельные споры и споры по несению тех или иных повинностей, главным образом, вокруг гумного места и перевозки мюлька.

¹ Шаруро-Даралагязский и Новобаязетский уезды не включены в таблицу из-за отсутствия данных.

² Вычисления произведены по данным уставных грамот и подымных списков: ЦГИА Арм. ССР, ф. 102, оп. 1, д. 334, лл. 9—15; ф. 91, оп. 1, д. 108, л. 56; ф. 102, оп. 1, д. 335, лл. 32—33.

Особенно многочисленны случаи земельных споров между владельцами и крестьянами. Последние заявляли, что наделные земли их являются казенными, не подлежащими действию закона 14 мая 1870 г., и на этом основании отказывались подписывать уставные грамоты. Так поступили жители селений Камарлю³, Зограблю⁴, Гедаклу⁵ и Далуляр-Беюк⁶ Эриванского уезда.

Крестьяне деревень Али-Мамед-Кишляк⁷ и Шидлу⁸ того же уезда вообще отказались от указания границ своих земельных наделов, заявляя, что земли они не хотят потому, что все участки частью солончаки, частью же безводны. Но, конечно, мировой посредник не посчитался с этими справедливыми доводами и ввел грамоту в действие.

Жители селения Донгузьян Эриванского уезда, заявив, что пустошь под названием «Тарджан» неправильно включена в состав их наделных земель, отказались подписать грамоту, прося мирового посредника отложить ее до размежевания деревни. Последний отказал в просьбе поселян и ввел грамоту в действие⁹.

Среди многочисленных причин отказов крестьян от подписи уставных грамот встречаются и такие, которые свидетельствуют о довольно глубоком процессе расслоения армянской деревни, имевшем место в 60-ых гг. XIX в.

Об этом говорит требование поселян селения Отурбеклю Эриванского уезда. Многие из них, заявив, что уставной грамотой закрепляются подымные участки за ними в потомственное подворное владение, что исключает допущение передела земель по усмотрению общества, отказывались от подписи грамот¹⁰. Изучение подымного списка этой деревни показывает, что расслоение крестьянства приняло здесь значительные размеры, и требование большинства поселян исходило из их практических и насущных нужд. Так, поселянский дым в количестве одной души мужского пола владел 11 сом. и 5 бат. пахотной и садовой земли, а дым в количестве 10 человек — 11 сом. и 5 бат¹¹.

Другая причина отказов крестьян от подписания уставных грамот связана с вопросом несения повинностей поселянами, среди которых самой обременительной была перевозка мюлька. В разгар полевых работ крестьяне были обязаны своими средствами перевозить мюльк помещиков в город Эривань. На этой почве между обеими сторонами происходили бесчисленные споры и столкновения, получившие свое отражение и в уставных грамотах.

Так, поселяне селения Эйляр отказались от подписи грамоты, зая-

³ ЦГИА Арм. ССР, ф. 70., оп. 1, 1, д. 256, лл. 77—78.

⁴ Там же, д. 467, лл. 11—13.

⁵ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 35, л. 26.

⁶ Там же, д. 91, л. 48.

⁷ Там же, д. 63, л. 18.

⁸ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 480, л. 4.

⁹ Там же, д. 466, лл. 7—8.

¹⁰ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 176, л. 8—9.

¹¹ Там же, д. 176, лл. 8—9.

вив, что правила, предписываемые грамотой, им давно известны, и при том они не хотят перевозить мюльк в город Эривань, находя эту повинность обременительной¹².

Жители селения Джанфида категорически отказались перевозить мюльк помещика, заявив, что хотя дорога и колесная, но составляет 50 верст, и повинность эта слишком обременительна для них¹³.

При составлении уставной грамоты на селение Агаджакала Эриванского уезда спор вокруг перевозки мюлька между жителями деревни и мюлькадаром принял очень острый оборот. Мировой посредник отказал помещику в его требовании о перевозке мюлька, мотивируя свои действия плохим состоянием дорог, ведущих в город Эривань. Владелец обратился в губернское присутствие. Последний решил вопрос в пользу помещика. Дело, начавшееся в марте 1873 года, затянулось до конца 1875 года. В результате обе стороны пришли к соглашению о представлении жителями селения владельцу ежегодно 13 арб для перевозки мюлька¹⁴.

Как было сказано выше, введению грамот противодействовали и помещики, стремившиеся увековечить старые порядки и держать поселян в полной зависимости от их произвола.

Владелец деревни Вохчаперт Корганов отказался от подписи грамоты, мотивируя свой отказ следующими обстоятельствами: 1. В селении не произведено разграничения земель между владельцами; 2. В деревне Вохчаперт по камеральному описанию числились не 6, а 18 дымов, из которых 12 без разрешения начальства переселились в пустошь «Битлиджа» и обзавелись там хозяйством. Корганов требовал водворения этих семейств на прежнее местожительство с обязательством несения ему повинностей.

Дело затянулось, и грамота, составленная в октябре 1871 г., была введена в действие в марте 1876 г. Губернское присутствие вынесло решение в пользу помещика¹⁵.

Пространная жалоба была составлена владельцами деревни То Эчмиадзинокого уезда Сулейман-хан оглы и Шюкюр-хан-Ахмед-хан оглы Макинскими на действия мирового посредника Мамацова по составлению уставной грамоты на принадлежащую им на мюлькадарском праве вышеназванную деревню. Жалобщики свой отказ подписывать грамоту объяснили следующими причинами:

1. Не произведено инструментальное измерение надельных земель;
2. Пастбищные и выгодные места оставлены за поселянами;
3. Собственная канава просителей под названием «Баг-Арх» причислена мировым посредником к общественной;
4. Вопрос перевозки мюлька не решен.

В тоне жалобщиков чувствовалось не прошение, а требование и вместе с тем уязвление оскорбленной гордости действиями мирового посред-

¹² Там же, д. 483, л. 13.

¹³ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 18, л. 29.

¹⁴ Там же, д. 59, лл. 21—22.

¹⁵ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 469, лл. 8—9.

ника, который осмелился вдруг защищать справедливые интересы поселян. Губернское присутствие поспешило успокоить разгневанных повелителей и, не входя в рассмотрение дела, вынесло решение: «...дополнить уставную грамоту на деревню Тос согласно изложенным замечаниям»¹⁶.

Борьба крестьян вокруг составления уставных грамот не всегда проходила «мирно» и «тихо». Иногда она выражалась в открытых и бурных выступлениях трудящихся, заставлявших царизм принимать административные меры.

Ярким примером неподчинения поселян требованиям властей служит случай, имевший место с жителями селения Джанфида Эчмиадзинского уезда. Когда 4 мая 1872 г. мировой посредник Мамацов прибыл в селение для составления уставной грамоты, то джанфидовцы, в ответ на требования Мамацова о предоставлении ему сведений о количестве пахотных и усадебных земель, душ мужского пола и дымов, заявили, что деревня казенная, и они отказываются давать какие-либо сведения. На увещания мирового посредника, стремившегося мирно разрешить вопрос, все общество подняло крик, шум и разошлось по домам. На следующий день при проверке списков дымохозяев, собравшихся на сход, в числе двухсот человек, оказалось, что вместо стариков явились все молодые, одни за отца, а другие за братьев. Когда Мамацов потребовал, чтобы старшина удалил их и вызвал стариков «для спроса как более понимающих», собравшиеся подняли крик и набросились с оскорблениями на владельца деревни, коллежского секретаря Аги-бека Абаз-Кулехана. Один из поселян, который кричал и упорствовал больше всех, по приказанию мирового посредника для усмирения других был задержан. Голпа из 100 человек ворвалась в комнату и освободила своего односельянина.

На следующий день, когда старосты деревень Шагриар и Джанфида, по приказанию Мамацова приступили к составлению списков дымохозяев, огромная толпа напала на них, избива старост и одного рассыльного мирового посредника, который едва спасся от смерти, укрывшись в одном из близлежащих домов. В продолжение семи дней Мамацову не удалось усмирить джанфидинцев. Он вынужден был вызвать всадника земской стражи, в присутствии которого только и стало возможно составление уставной грамоты и то на основании показаний только владельца¹⁷.

Борьба крестьян на этом не кончилась и возобновилась в период взыскания мюлька. Поселяне заявили, что земля казенная, уставная грамота на них составлена неправильно, и потому они отказываются нести какие-либо повинности помещику.

Джанфидинцы, несмотря на неоднократные приказания мирового посредника, продолжали упорствовать. Вмешательство полиции также не помогло. Атмосфера особенно накалилась, когда в село прибыл кандидат в мировые посредники Божевский.

¹⁶ ЦГИА Арм. ССР, ф. 72, оп. 1, д. 1, лл. 89—91.

¹⁷ Там же, лл. 51—52, 58—62.

Последний поручил переводчику взыскать мюльк с жителей прямо на гумне. Тогда целое общество вышло с дубинами в руках на гумно, препятствуя взысканию мюлька. Полицейское управление по требованию Пожевского выставило несколько казаков и всадников земской стражи для усмирения жителей. Но и это средство не помогло. Поселяне, в числе двухсот человек, с дубинами и палками в руках напали на переводчика и прогнали казаков и всадников.

Помещик Ага-бек Абаз-Кули-хан вынужден был обратиться за помощью к военному губернатору Эриванской губернии, прося ввода войск в селение с целью усмирения поселян, оказывающих «явное сопротивление и неуважение властям...»¹⁸.

Неизвестно, было ли удовлетворено требование владельца, однако «усмирить» джанфидинцев отчасти удалось.

Поселяне в своем прошении от 16 мая 1873 г., по истечении года после составления уставной грамоты, заявили, что количество их земель не соответствует записям в уставной грамоте, и требовали ее пересмотра. По личному рассмотрению члена губернского присутствия Ампрханова оказалось, что жалобы поселян соответствуют действительности. Губернское присутствие, получив разрешение департамента на пересмотр грамоты, рассмотрело и исправило ошибки¹⁹.

Сопrotивление при введении в действие уставной грамоты оказали и жители селения Кархун Эчмиадзинского уезда.

В августе 1873 года, когда мировым посредником Мамацовым была составлена уставная грамота на селение Кархун, жители отказались подписать ее и написали прошение на имя эриванского губернатора, мотивируя свой отказ следующими причинами:

1) так как инструментальное измерение кархунских земельных угодий произведено частным землемером Кулаковым без ведома поселян, поэтому для них оно не имеет никакого значения.

2) земля, в количестве 46 халваров, представленная помещикам на право полной собственности, включает в себе наделные участки поселян;

3) передача солончаков, которые всегда служили пастбищным местом для их скота, и болот в исключительное пользование владельцев, лишит всего скота поселян единственного средства к существованию.

4) уплата багры владельцам для поселян обременительная мера. Губернское присутствие на своем заседании от 17 октября 1873 г. вынесло свое решение в пользу владельцев, отказав поселянам в их справедливых требованиях²⁰.

Когда кархунцы ознакомились с содержанием постановления губернского присутствия, сделанного помощником Мамацова Божевским,

¹⁸ ЦГИА Арм. ССР, ф. 91, оп. 1, д. 18, лл. 4—5.

¹⁹ Там же, д. 18, лл. 9—11.

²⁰ ЦГИА Арм. ССР, ф. 73, оп. 1, д. 3, лл. 40—47.

по последнему оказали сопротивление, заявив, что такого рода постановление не может выйти в ответ на их жалобу. Усилия Божевского убедить поселян выполнить решения губернского присутствия не увенчались успехом. Кархунцы решительно отказались от исполнения требовавший последнего и отправились в полицейское управление, заявляя, что если даже их зарежут или отправят в Сибирь, они обратно земли не отдадут (речь шла о 46 халварах. — М. С.).

Крестьяне в течение последующих дней продолжали упорствовать. Ими руководил старшина деревни Келбалай Мустафа, который, публично отказываясь от исполнения требований помощника, обратился к народу, призывая последних к решительному сопротивлению, объявив, что «они ничего нам не сделают, если мы будем тверды в данных ответах».

Мировой посредник ввиду послушания поселян деревни Кархун, дело это отправил в полицейское отделение, которое, в свою очередь, направило в прокуратуру. Старшина деревни был устранен от должности²¹.

Столкновения между представителями властей и крестьянами, имеющие место в период составления уставных грамот, наблюдались и в деревне Агаджарх Эчмиадзинского уезда, где поселяне отказались показать действительное число дымов и оказали неповиновение мировому посреднику.

По имеющимся архивным материалам не представляется возможным установить действительную картину разыгравшихся событий в деревне Агаджарх. Но что степень накала была здесь очень высокой, свидетельствует факт обращения мирового посредника к военному начальнику губернии, просившего непосредственного вмешательства высших инстанций для подавления выступлений агаджархцев.

Губернское присутствие, боясь новых осложнений и разрастания движения, решило повременить с применением силы и ограничилось только привлечением виновных к уголовной ответственности²².

А что для страха и боязни расширения и большого размаха крестьянских волнений в период составления уставных грамот у правительства и владельцев были основания, свидетельствует обращение помещика деревни Джанфида Ага-бека Абаз-Кули-хана к мировому посреднику Эчмиадзинского уезда, в котором последний просит предпринять быстрые и необходимые меры для подавления выступлений жителей селения Джанфида, «...потому что все жители мюлькардарских деревень смотрят на джанфидинцев»²³. И действительно, поселяне селения Ицдалу того же уезда, пользуясь обостренным положением в деревне Джанфида, послали своих поверенных к владельцу Пана-хану, находящемуся в Джанфиде, с требованием, чтобы последний не смел появляться к ним в деревню, так как она казенная и они его «не знают и знать не хотят». Ма-

²¹ ЦГИА Арм. ССР, ф. 73, оп. 1, д. 3, лл. 67—69.

²² Там же, д. 1, л. 53.

²³ Там же, д. 1, л. 62.

мацов и Пана-хан, имея перед глазами пример джанфидинцев, поспешили появиться в Игдалу для составления уставной грамоты²⁴.

При рассмотрении вопроса классовой борьбы крестьянства вокруг составления уставных грамот, не следует ограничиваться только изучением неподписанных грамот. Для установления цельной картины размаха крестьянского движения необходимо исследование и подписанных, многие из которых отражают недовольство крестьян по тем или иным вопросам классовой борьбы трудящихся.

Так, например, уставная грамота на селение Карадаглу Эриванского уезда поселянами подписана. Но в протоколе имеется жалоба крестьян о незаконных действиях мирового посредника. Помещикам деревень Харатлу и Карадаглу принадлежало 50 халваров земли. Мировой посредник, считая, что уставная грамота на селение Хаартлу уже составлена, решил дать остальную часть владельческой земли из деревни Карадаглу. Однако здесь свободных участков не было. Следовательно, они были отрезаны у поселян. Между тем, в уставной грамоте об отрезке ничего не говорится²⁵.

Жители селения Чнкдамлу Эриванского уезда также подписали грамоту, но в протоколе выразили «вое недовольство относительно усадьбы черты и бахчевых земель владельцев»²⁶.

В некоторых грамотах сопротивление крестьян не получило своего непосредственного отражения. Но даты составления, утверждения и введения в действие грамот помогают нам косвенно выявить глухую борьбу крестьян, развернувшуюся в период составления грамот.

Так, на селение Харатлу Эриванского уезда грамота составлена и введена в действие 4 апреля 1873 г., между тем, аналогичный акт имеется и от 15 апреля 1879 г., где дана опись поселянским и владельческим землям.

Очень трудным и запутанным является вопрос о том, подписана ли данная грамота крестьянами или нет. В некоторых документах идет приписка мирового посредника: «Подлинный подписали», но кто, неизвестно, подписи не значатся. Так, в уставных грамотах на деревни Башналу²⁷ и Сабунчи²⁸ Эриванского уезда подписи крестьян отсутствуют, и причины не указаны.

Таким образом, изучение хода состояния и введения в действие уставных грамот показывает: составление уставных грамот протекало в обстановке массового противодействия крестьян. Царизму, в результате борьбы трудящихся, не удалось закончить составление уставных грамот в назначенный срок. Гвоздем классовой борьбы трудящихся служил аграрный вопрос. Крестьянство губернии, в особенности таких районов, как Эриванский и Эчмиадзинский, страдало от малоземелия и безземелия.

²⁴ Там же, д. 1, л. 62.

²⁵ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 231, лл. 25—27.

²⁶ Там же, д. 290, лл. 28—30.

²⁷ Там же, д. 279, л. 22.

²⁸ Там же, д. 326, л. 30.